



1. \_\_\_\_\_  
 Началась пурга. Заносы мешали двигаться. Федор Лисицкий остановил машину возле крайнего двора. Не спеша закурил, всматриваясь в темноту. Запрятал спички в карман, сдвинул ушанку на затылок и, взявшись за руль, выехал за околицу села. И в ту же секунду — удар снежного заряда в лобовое стекло «ЗИЛа».

Чем ближе светились еле заметные огоньки фермы, тем труднее дорога. Сугробы росли. Лисицкий их ловко объезжал.

«Ну, вот! Кажется, застрял!» — встревожился Федор. Попытался открыть дверцу. Она не поддавалась. Сильнее надавил плечом и вывалился наружу.

С минуту Федор лежал неподвижно. С усилием поднялся. Помотал головой, чтобы стряхнуть снег, вытащил лопату и принялся откапывать передние, а потом задние скаты. Но не успевал он очистить одну сторону, как на другой снова вырастал сугроб.

Тогда решил идти на птичник и просить помощи.

На ферме он снял трубку телефона и попросил соединить его с кабинетом или квартирой председателя колхоза. В трубке потрескивало и шипело, в этот шум вплелось радио, и тенор пропел в ухо: «Хороши весной в саду цветочки»...

— Да, хороши цветочки! — пробасил он в трубку и повернулся к птичнице: — Мне нужен песок и мешок. Машину с зерном надо выручать.

— Выручать так выручать. Идемте.

Непосильная ноша давила плечи. Под тяжестью груза ноги подгибались. Но нужно было спешить к оставленной в поле машине. Федору стало жарко. Он едва добрался до «ЗИЛа» и с облегчением сбросил мешок на землю...

Только после того, как вся пшеница была

сгружена в зернохранилище, Лисицкий почувствовал в боку резкую боль. Попробовал вывести из-под навеса «ЗИЛ» и не смог. Боль обострилась. Ему помогли добраться до дежурки, и тут он свалился. Теперь, лежа на больничной койке, Федор вспоминал ночной рейс.

И вот, будто из-за глухой стены, он услышал разговор:

— Молодец! За два часа, пока шла операция, не проронил ни одного стога.

— Весь в батьку, — донесся до него хорошо знакомый с украинским говорком голос жены Антонины Максимовны.

Федор закрыл глаза.

«Кремень, а не человек», — так назвал отца Федора, Степана Ивановича Лисицкого, прославленный генерал Книга.

\*\*\*\*\*

Это было той осенью, когда страна готовилась к празднованию Великого Октября. Василий Иванович приехал в Бурлацкое. С ним были однополчане, герои гражданской войны, друзья по оружию конармейца Степана Лисицкого. Генерал и его друзья переступили порог дома. Степан Иванович был обрадован чрезвычайно. Он пригласил гостей и набежавших в хату сельчан за праздничный стол. Слово за словом — пошла круговая беседа.

...Гроза гремела над Северным Кавказом. Декабрь 1919 года был суров. Свистела поземка. На стены домов легла изморозь, и казалось, будто они окутаны серым дымом. Беяки заняли Петровское. По вечерам сельские улицы пустели. А днем тащились к фронту повозки с боеприпасами, встречая на своем пути санитарные линейки и крестьянские телеги, переполненные ранеными. Каждое утро противник вел артобстрел, не делая, однако, попыток форсировать Калаус и не позволяя нашим

частям начать переправу.

Главные события развернулись в канун нового года на участке нашей кавалерийской бригады. Реввоенсовет приказал взять Петровское обходным маневром со стороны Донской Балки. При подходе к хутору передовые части были встречены сильным огнем артиллерии и пулеметов. Поступил приказ отойти и спешиться. Начались настойчивые атаки. Цепь за цепью бросались конармейцы на огневые точки беляков, но дорваться к ним не могли. Попытки обойти Донскую Балку не достигли цели.

Тогда и подошел к Книге, звеня шпорами и шашкой, Лисицкий. Подобранный, ладная фигура. Широкие плечи, туго обтянутые гимнастеркой. На смуглом лице — серые искрящиеся азартом глаза.

— Разрешите, товарищ комбриг! С тыла гранатами забросать пулеметы, — боец мотнул головой в сторону противника. — Мигом уничтожим!

— С кем пойдешь?

— Одному сподручней, товарищ комбриг! — поспешно ответил Лисицкий.

В лощине, возле воронки, валялись искареженная кухня, лошадиные туши. Лисицкий затаился, стараясь сориентироваться. Плотно прижался к земле и пополз вперед.

Конармеец забросал огневую точку белых гранатами. Вместе с первым взрывом он услышал «ура» однополчан. Степан кинулся к орудийному расчету и с разбега швырнул одну за другой две гранаты. Внезапно сильный толчок в челюсть опрокинул его. Он приподнял руку и увидел на ней кровь. «Кажись, пулевое...» — подумал Лисицкий.

— И встретились мы снова со Степаном Ивановичем в Благодарненском лазарете. Разыскал его через несколько дней, — рассказывал генерал и, улыбаясь, смотрел на сыновей отважного однополчанина.

2. \_\_\_\_\_

Сыновья Степана Ивановича Лисицкого не посрамили чести отца. Старший, Федор, вот уже много лет трудится в родном селе. Он шофер колхоза «Волна революции». Глядя на его сильные плечи, на доброе,

всегда озабоченное лицо, хочется лучше узнать его душу, узнать его жизнь, познакомиться с секретами его трудовых успехов. Но не так-то легко это сделать. Скромный по натуре, он о себе никогда ничего не говорит. Но о нем рассказывают люди.

Любит Федор Лисицкий беспокойную свою должность. Вся жизнь состоит из рейсов, из встреч, из расставаний, из нелегкого шоферского труда. Со стороны смотреть приятно, как спокойно и твердо он ведет свой «ЗИЛ». Ведет и мечтает: «А может, доживу до той поры, когда звездных кораблей будет в космосе не меньше, чем автомашин на земных дорогах?»

Привыкла жена Антонина Максимовна к его просьбам:

— Включи радио, может, снова спутник запустили?

Как нити вплетаются в пряжу, так и ленты дорог навсегда вплелись в судьбу Федора Степановича. Он — дорожный человек. Без ухаб проселочных дорог, без накатанной глади асфальта ему становится как-то не по себе, тянет в путь. А возникла эта любовь у него давно — в далекие годы коллективизации.

Федор помнит те трудные времена. Не один раз среди ночи раздавался стук в окно. Пьяные голоса предупреждали отца:

— Степан... а, Степан! Откажись от колхоза...

Стучали, угрожали и уходили ни с чем. Федор сидел на печи, тесно прижав к себе младшего братишку Ваню, вздрагивая от злобных выкриков за окнами. Боялись братья, что их батьку, вожака сельской бедноты, кулаки убьют из обреза.

— Чего пугают?! Ну, чего кричат! Думают, я их боюсь! — успокаивал отец семью. — Не-ет, нас не запугаешь. Не того мы роду и племени.

Однажды рано утром ребята вскочили с печи от страшного крика матери:

— Убили!.. Убили!..

Братья заплакали, решив, что кулаки исполнили свою угрозу. Но дверь отворилась, и всегда спокойный, уравновешенный отец ввел в хату заплаканную мать.

— Ну, ничего. Коней потравили. Заведем железного.

Этим же утром Степан Иванович подал заявление в колхоз. Отвез он на общий двор веялку, сеялку, бороны, выгреб из амбара семена.

— А коней у меня нет... — как бы в оправдание сказал Лисицкий.

Степан Иванович опустил руку в карман и положил на стол правления деньги — отдал все, что имел.

С детства задира и весельчак, Федор всегда верховодил ребятами, был первым и в драке и в набегах на баштаны. Но вот в селе появился первый трактор, и отошли детские забавы. Им завладела мечта стать хозяином стальной машины. Не сразу, но мечта сбылась. Правда, не руль трактора он взял в руки, а баранку автомобиля.

Иной раз смотришь на Федора и думаешь: кажется, никогда не знал этот человек трудностей, кажется, его дом обходило горе и несчастье. На самом же деле это не так. Самое большое горе принесла война.

Много лет прошло, многое стерлось из памяти, да и зачем оглядываться назад. Но иногда встает перед глазами пережитое.

...Мотомехкорпус, в котором сражался на фронте Федор Лисицкий, сдерживал натиск врага под Можайском.

Объезжая глубокие рытвины, сержант Лисицкий осторожно вел «студебеккер», наполненный ящиками с артиллерийскими снарядами. Из-за туч вынырнули два «мессершмитта». Сразу ударили пулеметы. Мимо! Федор резко крутанул баранку — немедленно в лес! На чистом месте от стервятников не спастись. Машина, подпрыгивая по целине, рванулась к опушке. За тяжелым грузовиком потянулся хвост коричневой пыли.

Увлеченные погоней, вражеские летчики пикировали на грузовик почти до земли. И вдруг раздался оглушительный взрыв... Дальше Федор ничего не помнит.

Очнулся утром на густо разостланных ветвях векового дуба и услышал:

— Рус, плен!

Увидел перед собой здорового детину с поднятыми руками.

Федор сейчас толком не может вспомнить, как он раненый и контуженый, нашел в себе силы обыскать немца. Отобрал

вальтер, планшет, офицерское удостоверение. Потом заставил пленного нести себя в наш штаб.

Орден Красной Звезды сержанту Лисицкому был вручен в санбате.

А время идет. Люди встречаются на пути разные: хорошие и плохие, сильные и слабые, храбрые и трусы. Ко всем он имеет свой подход. По-своему он разговаривает с человеком, правду в глаза не боится сказать. Пусть будет горькая, но правда. Если же кто не может за себя постоять, Федор берет его под защиту. Не забывают и они его в трудную минуту.

В тот день, когда Федор Степанович попал в Благодарненскую районную больницу, рядом с его койкой появилась странная новая «сиделка». Сидит, не спуская с больного преданно сверкающих глаз, смуглолицый кавказец.

— Мой друг Али Алиев, — знакомит посетителей Лисицкий.

— Моя плохо понимает по-русски, мал-мал... Но моя сердцем с Федя... Кардаш мой, понимаешь... — и, собравшись с мыслями, выпалил: — Его болезнь подолеем, Федя домой яваш-яваш ходи...

— Мы сами будем ухаживать за больным, — говорили Алиеву медики, но он возражал.

— Зачем сами? Зачем Али гонишь... Али будет помогай...

Что-то подсказало сердцу Алиева, что с другом стряслась беда. Он бросил дела и примчался в больницу с берегов Куры.

Клятву дал Али Лисицкому — быть верным другом до конца жизни — еще на иранской границе. Друзья служили в пограничном отряде.

Однажды отряд поднялся по тревоге поздно ночью. Шофер Алиев гнал машину на предельной скорости по горной дороге. В кузове — пограничники и служебные собаки. Впереди крутой подъем. На развороте, где начинался подъем, неожиданно заглох мотор. Пограничники выпрыгнули на землю и побежали к кордону. Боевая операция была выполнена с большими осложнениями.

Поздним вечером Алиева вызвали в штаб отряда. Там были незнакомые ему офицеры.

— Вы арестованы, — заявили ему.  
— Почему арестован? Ошибка! —  
попробовал возразить Алиев.  
— Приказ есть приказ и обсуждению не  
подлежит, — отрезал молоденький  
офицер.  
Бойцы сурово смотрели на Алиева. Поче-  
му? Алиев пытался разобраться в том, что  
произошло. Но ответа не нашел. В чем его  
вина?  
Только один человек не верил, что Алиев  
— враг. Коммунист Лисицкий пошел к  
начальнику отряда полковнику Жукову.  
— Я сумею доказать, что Алиев не вино-  
вен. Мотор заглох по техническим  
причинам, — заявил он. — Алиев еще  
молодой шофер, и он не сумел толком  
объяснить причину аварии.  
Отличные знания устройства автомобиля  
позволили Лисицкому убедить  
командование в невинности Алиева.

### 3. \_\_\_\_\_

Братья Федор и Иван живут и трудятся в  
одном районе, а встречаются не часто. Но  
зато, когда съедутся, у них находится много  
общих тем для беседы. Расставаясь, Федор  
на правах старшего обычно напутствует  
брата:  
— Ты запомни, Ваня: никогда не ищи ров-  
ных дорожек в жизни. По ним скучно  
ходить.  
Нет, Иван никогда не выбирал пути, чтобы  
он был протоптанной и легче.  
...Больше всего сержант роты петеэр  
Лисицкий любил колосистые хлеба. Его  
сокровенной мечтой было закончить войну,  
а потом сеять пшеницу. Бывало, сидит он в  
окопе и, зажмурив глаза, представляет  
золотистый дождь колосьев, мысленно  
трогает руками тугие, налитые зерна и  
слышит шелест стеблей.  
С детства унаследовал Иван крестьянскую  
любовь к хлебу, привык относиться к нему  
с благоговением.  
В первый же день по возвращении в Бур-  
лацкое Лисицкий-младший пришел в  
правление колхоза.  
— Демобилизованный солдат, —  
представился Иван. — Хочу выращивать  
хлеб.  
Время, когда вернулся Иван к хлебопаше-

ству, было тяжелым. В селах, разрушенных  
окупантами, хозяйства восстанавливались  
в трудной борьбе, в тяжких муках и лише-  
ниях.

Молодой, не имеющий практического опы-  
та, полевод-учетчик возвращался со степи  
домой после сумерек и валился в постель.  
И снилось ему то же самое, что часто  
снилось на войне: хлеб. Пшеница шумела  
над ним, тяжелые колосья касались его  
лица, ложились на плечи. Поднимая пыль,  
шли ярко-красные комбайны.  
Так было во сне. На яву он видел другое.  
Техники не хватало, запасных частей не  
имелось. Пришлось пахать, сеять, да и  
устраивать урожай на коровах,  
истощенных конях. Вскоре Иван  
почувствовал, что ему не хватает знаний.  
Тогда Лисицкий написал в правление  
колхоза заявление: «Прошу отпустить меня  
на учебу в сельскохозяйственный  
техникум».

Минуло полтора десятилетия. Коммунист  
Иван Лисицкий теперь опытный и  
знающий агроном.

Однажды его вызвали в партийный комитет  
совхоза. Он выехал на линейке. Отделение  
успешно справилось с осенними работами,  
поэтому Иван недоумевал — зачем его  
вызывают?

— Иван Степанович, принимай первое от-  
деление!

— Я бы хотел на прежнем месте остаться,  
— опешил агроном.

— Что, побоялся трудностей?

Прямо поставленный вопрос задел само-  
любие Лисицкого.

— Я готов работать там, где труднее!

Так Иван Степанович стал  
управляющим отделения самого  
большого в крае

зернового хозяйства — совхоза

«Ставропольский».

Лисицкий понимал, что хлопот ему приба-  
вилось вдвое. Одно дело быть агрономом и  
отвечать за определенный участок работы,  
совсем другое — руководить  
производством всех видов  
сельскохозяйственной продукции.

Теперь голова постоянно занята всякими  
«как» и «с чего».

Спросил коммунистов и специалистов:

— Как думаете, с чего начнем выводить отделение из прорыва?

— С молока, — ответили ему.

«Молоко-то, оно молоко,— потирал лоб Лисицкий. — Но куда к черту годится такая продуктивность, если двух тысяч литров в год от коровы не получаем. И это у нас!»

Он пошел на ферму, чтобы как следует познакомиться с доярками, скотниками.

Не один день ходил Иван Лисицкий по коровникам: раз — утром, другой раз — вечером. Тратил много времени. Но в обмен получал больше: узнавал людей. И убеждался: он имеет дело с опытными хозяевами, которые по-настоящему любят свою работу. Только вот руководят ими плохо, превратили их в простых исполнителей приказов и решений. Управляющий за короткое время нашел среди животноводов крепкую опору. Здесь и Мария Воронина, и супруги Антонина и Григорий Патаевы, и Мария Суховерова. Сколько ценных мыслей, хозяйских советов откладывалось в памяти после бесед с животноводами!

Служебные обязанности... Много труда и забот, знаний и чутья требуют они от управляющего хозяйством. Зимой и летом подолгу ходит Лисицкий по полям и фермам, по мастерским и токам. Всюду нужен глаз. Вот хотя бы при подготовке к севу.

...Отшумели в балках вешние ручьи, набухли на деревьях почки. С детства любит Иван Лисицкий весенний шум. Стоит и думает: какой будет весна? Как пройдет сев? Кажется, все в порядке. Каждый трактор, каждая сеялка оцупаны собственными руками. Сколочены звенья. На важных участках — коммунисты. Вот братья Горбачевы, работяги. Вот веселые ребята Василий Китаев, Василий Мякушкин, Виктор Карнаухов, любо смотреть на них. Не пошлешь отдыхать — сутки будут работать.

Люди радовались. Видели они разных управляющих, у которых слова расходились с делами. А этот? Предложил создать отряды, закрепить за ними землю. И сразу требует: «Расписать задания для каждого тракториста, чтобы знали, что обязаны делать». Вроде бы и немудреная штука, но

другие так не поступали.

Семилетку отделение закончило успешно. Оно выиграло битву по всем показателям и заняло первое место в совхозе. Урожай зерновых на 2,1 центнера выше, чем по совхозу, молока надоили от коровы намного больше прежнего, а поросят получили сверх плана 410 голов.

\*\*\*\*\*

...Идет человек по Аллее почета, что на центральной усадьбе совхоза «Ставропольский», идет и смотрит на фотографии передовиков. И среди них, на самом видном месте портрет управляющего первым отделением Ивана Степановича Лисицкого. А рядом его товарищи по труду — доярка Мария Воронина, комбайнер Александр Межинский, тракторист Василий Китаев, свинарь Иван Рыжков, еще и еще.

Знает, высоко ценит людей Лисицкий и делает все, чтобы им жилось лучше, радостнее. Иначе он поступить не может. Эти чувства он унаследовал от отца — славного конармейца Степана Ивановича Лисицкого. Многому научился у старшего брата Федора.

Такие они, Лисицкие.